

Цзи Жань кивнул, и на этом дело было окончательно решено. Подписав с управляющим посреднической конторы документы и внеся задаток, они, не задерживаясь, отправились восвояси.

Выйдя оттуда, Цзи Жань докупил кое-какую утварь для дома, и они с Лу Чжэнем двинулись в обратный путь.

Из-за их задержки большая семья Лу успела вернуться домой первой. Лу Чаньюань, как член семьи, естественно, поехал с ними, но, к общему удивлению, с ними оказался и Тао Юань.

История о том, как Цзи Жань подал в суд на семью Лу, наделала в деревне Лу много шума. На мужчину-невестку, осмелившегося судиться со свёкрами, сыпались самые разные мнения: одни восхищались его смелостью, другие порицали за нарушение «женской добродетели». Но, как бы то ни было, все были не прочь позабавиться зрелищем. Узнав, что семья Лу вернулась, народ специально начал похаживать мимо их дома, заглядывая и подслушивая. А когда вернулся Цзи Жань, так и вовсе — кто с мотыгой, кто с корзиной за спиной, все принялись деловито сновать туда-сюда мимо его жилища, а глаза так и сверкали любопытством, будто вот-вот загорятся зелёным огнём.

Конечно, помимо чистых зевак были и те, кто собирался в кучки посплетничать. Заметив проходящего мимо Цзи Жаня, они нарочно повышали голос, чтобы тот непременно услышал. Твердили всё одно и то же: мол, мужчина-невестка нарушил женскую добродетель, судиться со свёкрами — дело неслыханное, раз вышел замуж — должен хранить верность семье и так далее. Одним словом, все эти разговоры были пустыми и беспочвенными.

Цзи Жань пропускал их слова мимо ушей, даже не достаивая ответом. В душе он лишь усмехался: какой с меня спрос на «женскую добродетель»?

— Сплошные языки-помелы! Иди вперёд, я сейчас с ними разберусь! — Цзи Жань оставался невозмутим, но Лу Чжэнь, вынужденный слушать всю эту грязь, не выдержал. Его лицо почернело от ярости, он сжал кулаки и уже собрался было двинуться в сторону болтуний.

— Эй, оставь, — поспешно остановил его Цзи Жань, не сбавляя шага и понизив голос. — К чему опускаться до уровня этих невежественных баб? Пусть болтают — с меня хоть полушку не убудет.

— Но...

— Не стоит обращать внимания на тех, кто для нас ничего не значит. Главное — жить своей жизнью. — Цзи Жань и вправду не придавал этому значения. Где люди — там и пересуды, сплетников хватает везде. Если на всё обращать внимание, можно с ума сойти.

Убедившись, что Цзи Жань и впрямь не расстроен, Лу Чжэнь отбросил мысль проучить болтуний. Однако сдаваться он не собирался. Легким движением пальцев, почти незаметным, он устроил так, что в той кучке кто-то наступил кому-то на ногу, началась давка, и все они гурьбой повалились в ближайшую сточную канаву. Завизжали, забились — шума было больше, чем от стаи уток, ныряющих в воду.

Такой гам Цзи Жань не мог не услышать. Он взглянул на происходящее, потом на Лу Чжэня, в уголке губ которого играла подозрительная улыбка, и не выдержал, удивлённо приподняв бровь:

— И что это ты сделал?

— Ничего особенного, — невозмутимо ответил Лу Чжэнь, бросив на него взгляд. — Пусть промочут свои языки в грязной воде.

Эта серьёзная мина в сочетании с чёрным юмором заставила Цзи Жаня прыснуть со смеху.

Увидев, что супруг смеётся и вся эта скверная история не испортила ему настроения, Лу Чжэнь наконец успокоился. Жена, когда смеётся, очень хорош собой — чем больше смотришь, тем больше нравится. Сердце Лу Чжэня дрогнуло, он протянул руку и взял Цзи Жаня за ладонь, заключив её в свою крупную кисть.

Цзи Жань от неожиданности замер, машинально взглянув на их сплетённые руки. Улыбка на его лице смягчилась, стала более сдержанной, но от этого лишь слаще.

Пока они пребывали в этой нежности, взгляд их упал на Лу Чаньюаня и Тао Юаня, стоявших у их шалаша. Оба были ровесниками, лет шестнадцати-семнадцати, один — из богатой семьи, другой — из бедной, но оба статные, стройные, и вместе смотрелись очень приятно.

Однако Цзи Жань, глядя на них, слегка нахмурился:

— Что они здесь делают?

— Пойдём, посмотрим, — предложил Лу Чжэнь, хотя ни малейшего внимания этим двум юнцам не уделял.

Цзи Жань ничего не ответил, лишь обменялся с Лу Чжэнем взглядом и уверенно зашагал к ним навстречу.

Едва он приблизился, как Лу Чаньюань сам вышел вперёд.

— Младший брат Чаньюань приветствует невестку, — с видом учтивого и воспитанного человека, с мягкой, изящной улыбкой Лу Чаньюань подошёл к Цзи Жаню и, сложив ладони, совершил почтительный поклон. — Выслушав всю историю, я испытал великий стыд и специально пришёл извиниться перед невесткой. Третий брат был неправ, что, не разобравшись, принялся крушить ваш дом. Я уже говорил с ним. Правда, характер у него вспыльчивый, он легко поддаётся на чужие подстрекательства, но в душе он не злой. Прошу вас, ради семьи, не держать на него зла и простить его на этот раз.

Цзи Жань не стал отвечать на эти слова, а вместо этого оглядел землю позади Лу Чаньюаня. Хм, тот ужасающий хаос и беспорядок исчез — неизвестно только, кто помог всё убрать.

С недоумением Цзи Жань посмотрел на Лу Чаньюаня и Тао Юаня. Руки у обоих были белые, длинные и ухоженные — совсем не похоже, что они только что занимались тяжёлой работой. Значит, если не они, то, наверное, это сделали староста и Гао Дачжуан с сыном. Кто бы ни был, он был им благодарен и позже обязательно должен был должным образом отблагодарить.

Пока Цзи Жань размышлял об этом, его мысли унеслись прочь, и он на время забыл о двух стоящих перед ним людях. Лу Чаньюань ещё как-то терпел, но Тао Юань тут же помрачнел и недобрым тоном заговорил:

— Чаньюань уже так унизился перед тобой, а тебе всё мало? Пусть их семья была неправа перед тобой, но они уже получили свою порцию палок! Не будь так беспощаден!

Этот окрик вернул Цзи Жаня к реальности. Он взглянул на обоих и неодобрительно скривил

губы.

— Я ничего не хочу. Это дело закрыто. Я не надеюсь, что семья Лу станет считать меня своим, просто хочу, чтобы мы не вмешивались в дела друг друга и жили каждый своей жизнью. — Видя, что лицо Тао Юаня стало ещё мрачнее, Цзи Жань не стал обращать внимания и обратился прямо к Лу Чаньюаню:

— Ты передо мной не виноват, извиняться не за что. Если больше не о чём говорить, прошу, удалитесь. Место у меня убогое, угостить нечем.

Резкий тон Цзи Жаня, казалось, не задел Лу Чаньюаня. Тот лишь улыбнулся и ответил:

— Тогда мы не будем вас больше беспокоить. Через пару дней — сотый день со дня смерти старшего брата. Приходите к нам домой на скромную трапезу. Какие бы размолвки ни были, семья всегда остаётся семьёй, не стоит из-за этого создавать пропасть. — С этими словами он снова почтительно сложил ладони и вместе с Тао Юанем неспешно удалился.

Цзи Жань обернулся и, глядя на удаляющиеся спины Лу Чаньюаня и Тао Юаня, слегка приподнял бровь.

— Этот четвёртый брат, что и говорить, настоящий учёный муж, — многозначительно произнёс Цзи Жань и, помолчав, повернулся к Лу Чжэню. — Однако, знаешь, разница в возрасте между вашими братьями довольно приличная.

— О? — Взгляд Лу Чжэня стал тёмным, а в голосе послышались странные нотки. — Цзи-гэ считает, что твой муж стар?

— Вовсе нет! Ты, конечно, старший брат, но выглядишь совсем не старым. Лу Чангэн и Лу Чанцин моложе тебя, но они такие грубые, заскорузлые, что по виду дашь им за тридцать, — спохватившись, что нечаянно задел тигра за усы, Цзи Жань заулыбался заискивающе. — К тому же, мужчина в сорок — ягодка опять, а тебе и тридцати нет, ты ещё и вовсе нераспустившийся бутон!

В древности женились рано. Хотя братья Лу были младше Лу Чжэня и уже обзавелись детьми, им на самом деле было всего лет по двадцать с небольшим. Лу Чжэнь был их старше, но тоже не достиг ещё тридцати. Когда сверяли их восьмизначения, Цзи Жань не запомнил, было ли тому двадцать семь или двадцать восемь.

— Если я бутон, то кто же тогда ты? — С усмешкой Лу Чжэнь ущипнул Цзи Жаня за щёку. — Росток?

Если Лу Чжэнь в двадцать семь — двадцать восемь был бутоном, то Цзи Жань, который был всего на пару лет старше Лу Чаньюаня, и впрямь годился разве что в ростки.

Цзи Жань ответил ему невидимым ударом ноги:

— Катись!

Они посмеялись и пошутили, не придав значения этому маленькому эпизоду с Лу Чаньюанем и Тао Юанем. Приведя домашнюю утварь в порядок, Цзи Жань взял две упаковки сладостей и первым делом отправился в дом Гао Дачжуана.

По дороге он вспомнил о сотом дне, упомянутом Лу Чаньюанем, и спросил:

— Твой сотый день и вправду на днях?

— Угу, — отозвался Лу Чжэнь, и на его лице не было никаких особых эмоций.

<http://bllate.org/book/16271/1464390>